

О МИФОРИТУАЛЬНОМ КОНТЕКСТЕ ОДНОГО ТИПА ЗАГАДКИ

ЛИДИЯ Г. НЕВСКАЯ

Москва

Рассматриваемый тип относится к тому фрагменту корпуса загадок, который построен на отождествлении элементов макро- и микрокосма¹, главным образом на их взаимном уподоблении в части, касающейся звена "часть тела = строение = печь". Речь пойдет в первую очередь о редком тексте, основанном на уподоблении печи и лона: *выше печки шесток = хвост курицы* (Митрофанова № 986), *хлеб на углу печи лежит, а в хлебе крыса сидит* = о беременной женщине (Садовников № 1703); косвенным образом — с двуступенчатым отождествлением — в загадке *какой зверь из двери выходит, а в дверь не входит* = о новорожденном (Садовников № 1707), где заслонку можно толковать как "дверь печки" и распространить на нее все мифопоэтические коннотации². Мотивированный характер сближения "взломанной" двери и печной заслонки подтверждается тверским обычаем на другой день после свадьбы ряженым ездить по улицам с помелом и печной заслонкой³. В этом контексте действия с печной утварью символизируют супружеские отношения⁴. См. к этому загадку: *суну, посуну в золотую посуду, там поколочу, назад поворочу* = печь, уголья, кочерга (Митрофанова № 1485). Нечастые, но убедительные примеры свидетельствования содержатся в других фольклорных жанрах. См., например, наименование *vagina* печью в белорусской свадебной

¹ Для этой задачи, тем самым, кардинальное значение имеет работа: Т.Я. Елизаренкова, В.Н. Топоров, *О ведийской загадке типа brahmodya*, в *Паремно-этимологические исследования*, Москва 1984.

² В частности, о генитальной символике дверей / ворот, воплощающейся на разных этапах свадебного обряда, см. А.К. Байбурун, Г.А. Левинтон, *К описанию организации пространства в восточнославянской свадьбе*, в *Русский народный свадебный обряд*, Ленинград 1978, особенно с. 94-97.

³ А. Афанасьев, *Поэтические воззрения славян на природу*, т. 2, Москва 1868 (репринт: Москва 1994), с. 37.

⁴ А.Л. Топорков, *Печь*, в *Славянская мифология. Энциклопедический словарь*, Москва 1995, с. 310-312.

песне: *печка регоче, бо каравя хоче*⁵. Ассоциация любовного жара с огнем печи составляет стержень любовного заговора. См. обычный зачин: *Как в печи дрова шибко, пылко сохнут и горят, так бы и у раба божия (имя) сердце горело и сохло, кровь горячая ключом бы кипела обо мне, рабе божьей (имя)*⁶. Заместителем огня печи в заговоре, среди прочего, может быть Огненный змей: *Гой, еси ты, Огненный змей! Не зажигай ты горы и доли, ни быстрыя реки..., зажги ты красну девицу (имя рек), в семьдесят-семь составов, в семьдесят-семь жил и в единую жилу становую, во всю ее хочь, чтоб ей милилось и хотелось, брало бы ее днем при солнце, ночью при месяце, чтоб она тосковала и горевала...*⁷ См. к этому: *огнь блудный, похотный 'вожделение': Внутрь жгомь огнемь блуднымь, и горько мнѣ бысть в той часъ*⁸ и литовское (пелясское) *pat ugnies dioda žan'it'is* 'о сильном желании жениться'⁹. Связанные в заговоре причинно-следственными отношениями "огонь - гореть - горячий - горевать" имеют параллель в этимологической связи лексем *гореть* и *горе* (Фасмер I, 440), с другой стороны, см. *печь* 'жечь, болеть', *печая* 'изжога, боль' (СРНГ 27, 5). Этимологически связанная с этим глаголом другая лексема из круга "часть, орган тела" — *печень* (см. типологически подобное лит. *kėpenos* 'печень' от *kėpti* 'печь') входит в другую мифопоэтическую парадигму.

Рассматриваемое уподобление содержится в белорусской пословице: *И в старой печи огонь хорошо горчиць* 'о стариках, у которых рождаются дети'¹⁰, более отдаленно — в тексте,

⁵ В.В. Иванов, В.Н. Топоров, *К семиотической интерпретации коровая и коровяиных обрядов у белорусов*, в "Труды по знаковым системам", 3, Тарту 1967, с. 69.

⁶ *Вятский фольклор. Заговорное искусство*, Котельнич 1994, № 235, с. 46.

⁷ *Великорусские заклинания. Сборник Л.Н. Майкова*, Санкт-Петербург 1994, № 7, с. 11.

⁸ *Словарь русского языка XI-XVII вв.*, т. 12, Москва 1987, с. 249.

⁹ Л.Г. Невская. *Об одном эндемическом фразеологизме: лит. pat ugnies dioda* - блр. *jak diuba dajé*, в *Славянское и балканское языкознание. Структура малых фольклорных текстов*, Москва 1993, с. 211-215.

¹⁰ А. Афанасьев, *Указ. соч.*, с. 37. В более общем виде см. загадку: *Печь день и ночь печет, а невидимка дошлую ковригу выхватывает* = жизнь и смерть (Митрофанова № 1645), где *печь печет* означает течение жизни.

похожем на загадку: *кошка катянилась и катиняты распаузились* = *печка истопилась*¹¹. Уподобление печи и утробы лежит в основе западнославянского поверия, по которому аист бросает в печную трубу лягушек, которые, проникая в дом, приобретают человеческий облик¹², т. е. пере-рождаются, воз-рождаются в печи. Толкование архангельского обычая в конце свадьбы бросать в печь пустой горшок со словами: "сколько черепья, столько молодых ребят" как жертвы огню¹³ не исключает и здесь понимания чрева печи как материнского чрева.

В паремиях типа *у печурце родився* 'о счастливом человеке' легко восстанавливается семантический компонент 'охранительная и благотворящая функция печи'. Однако здесь не исключена аналогия созревания плода в материнской утробе с выпеканием хлеба. Уподобление печи материнскому лону разворачивается в специальный сюжет "перепекание ребенка", когда слабого, недоношенного ребенка, который "не допекся в утробе матерней", на хлебной лопате всовывают в теплую печь, чтобы он стал здоровым¹⁴.

Идея уподобления печи и вынашивающего / рождающего материнского лона в соответствии с преобладающей семантикой реализуется в свадебном и родинном обрядах и обрядовых текстах. Поэтому можно было бы считать тему мифоритуального контекста загадки о печи как лоне в известной мере подтвержденной приведенными материалами, и говорить о соответствующей мифологеме. Однако пензенский обряд "перепекания ребенка" имеет и иные коннотации, они связаны со смертью. Этот ритуал можно толковать как уничтожение, смерть болезни. Далее, атрибуты этого обряда¹⁵, его технология и название основного действия — всовывание в печь — обращают к корню -сов- и имени *Совий*, специально рассмотренным В.Н. Топоро-

¹¹ В.Н. Добровольский. *Смоленский областной словарь*, Смоленск 1914, с. 354. См. к этому *котянить* 'родить (о кошке)', *котяниться* 'окотиться (о кошке)' (СРНГ, 15, с. 118).

¹² А.В. Гура, *Аист, в Славянская мифология*, с. 30.

¹³ А. Афанасьев, *Указ. соч.*, с. 42.

¹⁴ А.Л. Топорков, "Перепекание" детей в ритуалах и сказках восточных славян, в *Фольклор и этнографическая действительность*, Санкт-Петербург 1992; он же, "Перепекание ребенка", в *Славянская мифология*, с. 303-304.

¹⁵ О печной утвари как "жертвенных орудиях" см. А. Афанасьев, *Религиозное значение избы славянина*, "Отечественные записки", 6, 1851, 57.

вым¹⁶ как имя персонажа, воплощающего противоположные функции — "первосожженный" и "первосжегший". Однако и здесь стадия смерти — промежуточная и преходящая, преодолеваемая слиянием жертвы и жреца, которое ведет к достижению воскресения, возрождения, увеличению плодородия и усилению витальности.

В загадке печь многообразно соотносится с домом. Одна из моделей основана на архаическом принципе эквивалентности целого и части: печь как неотъемлемая часть дома и весь дом: в Пашиной избушке крашены бабушки = уголья в печи (Митрофанова № 3351), лтш. *taza taza mājiņa, pilna sārkanu gūgnīni; iet melnais bulītis, izden ārā* = печь, кочерга, угли (Трейланд № 591, сохранена орфография источника) 'мама мала избушка, полна красных коровушек, входит черный бычок, выгоняет вон'¹⁷. Эта метонимия восходит к пониманию печи как очага, средоточия дома, хозяйства и семьи (ср. *вернуться к родному очагу, вернуться в лоно семьи*). Здесь следует привлечь внимание к значению лексемы *печище* с социальными коннотациями 'общее владение, принадлежащее нескольким хозяевам, носящим одну фамилию': архангельское *печище* — одна община, одна фамилия жила... (СРНГ 27, 6), вводящей в круг уподоблений "печь = очаг = дом" звено "семья". См. к этому способ кодирования печи через кровнородственные отношения. В сущности, в восточнославянском и литовском представлен единый текст, что свидетельствует об архаичности структуры и стоящих за ней представлений: *мать толста, дочь красна, сын воробей под небеса улетел* (Митрофанова № 3336), *мать толста, дочь красна, сын храбер, под небеса ушел* (Митрофанова № 3335); блр. *матку таўстуха, дачка краснуха, а сын Хвядос пайшоў да нябёс*

16 В.Н. Топоров, *Заметки по похоронной обрядности. 2. Совий*, в *Балто-славянские исследования 1985*, Москва 1987, с. 24-28. См. также загадку о печи как "пожирающей" дрова: *стоит Матрена здорова, ядрена, пасть открывает, что даю глотает* (Митрофанова № 3332), содержащую аллюзию на алтарь, где приносится жертва, пожираемая пламенем, также см. *жевать не жую, а все пожираю* = огонь (Митрофанова № 3235). См. к этому о возможности возведения к единому этимону рус. *жертва* и *жрать* (а также их балтийских соответствий): В.Н. Топоров, *Прусский язык. Словарь. Е-Н*, Москва 1979, с. 249.

17 См. такое же метонимическое замещение в погребальном причитании: *Отходи, родимой батюшко, прочь от печеньки кирпичная, от шесточка от муравлена, Выходи, родимый батюшко, на мосты да на калиновы* (Барсов 76-77).

(Грынблат № 2152); укр. *маты товстуха, дочка красуха, сын кучерявчек* (УЗ № 479), *отец лежит в повіттю, а сын пишов по свиту; motina drūkta, dukte raudona, sūnus drąsuolis į debesis pasikėlė* (LT № 6676) 'мать толста, дочь красна, сын храбрец поднялся до небес'.

Как и печь, внутренняя жилая часть дома осмысливается как чрево, хранящее жизнь внутри себя: лит. *višta pūsta, sparnai džiušta, vidury viščiukai tarpsta* = стены дома гниют, крыша сохнет, внутри дома растут дети (LT № 6559) 'курица портится, крылья высыхают, внутри цыплята растут'. К защитной функции печи / очага восходит и (народно?) этимологическое осмысление лексем *опека, опекаль, печься* 'заботиться, защищать от невзгод'. На клишированном образе дома как наседки с цыплятами, в основе которого лежит семантическое отношение "дом = гнездо"¹⁸, построена загадка *сидит курица с золотыми яйцами* = печь с уголями (Митрофанова = 3362).

Представленная в загадке цепь отождествлений: "лоно = печь / очаг = дом / семья / гнездо = курица" замыкается, если принять во внимание стойкую метафору типа *курица 'vulva', курать, куру пестрить 'futuere'* и многие другие¹⁹.

Возвращаясь в "лоно" проблем отождествления в загадке, следует сказать, что как ни своеобразно человеческое мышление проявляется здесь, подход к корпусу загадок как к единому тексту кажется оправданным. При таком подходе любой фрагмент "выведет" на все другие виды отождествлений. Каждое звено этой цепи — это самостоятельный и обширный сюжет, и приходится делать усилия, не всегда увенчивающиеся успехом, по отсечению "лишнего", не имеющего непосредственной связи с определенным типом загадки. Привлечение собственно языковых данных и текстов других жанров, подтверждает системность, мотивированность и детерминированный характер этих отождествлений.

18 См. также общее место погребального плача: *Развилося, раззорилося наше тепло вито гнездышко...*

19 Б.А. Успенский, *Филологические разыскания в области славянских древностей*, Москва 1982, с. 153. В этот же круг представлений входит *куринный жеребчик* 'о старом волоките' и *курица* 'святочная игра: ряженный в двух вывороченных шубах (одной надетой на ноги), с длинным крюком в рукаве, ходит по избе, "... клюет" девушек по ногам' (СРНГ, 16, с. 126, 128).

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- Барсов Причитания Северного края, собранные Е.В. Барсовым, т. 1, Плачи похоронные, надгробные и надмогильные, Москва 1872.
- Грынблат Беларуская народная творчасць: Загадкі. Складальнікі М.Я. Грынблат, А.І. Гурскі, Мінск 1972.
- Митрофанова В.В. Митрофанова (сост.), Русские народные загадки, Ленинград 1968.
- Садовников Д. Садовников, Загадки русского народа. Сборник загадок, вопросов, притч и задач, Санкт-Петербург 1876.
- СРНГ Словарь русских народных говоров, т. 15, Ленинград 1979; т. 16, Ленинград 1980; т. 26, Ленинград 1991; т. 27, Санкт-Петербург 1992.
- Трейланд Материалы по этнографии латышского племени под редакцией Ф. Трейланда, "Известия Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии", XL. "Труды этнографического отдела", VI, Москва 1881.
- УЗ Українські загадки, Київ 1966.
- Фасмер М. Фасмер, Этимологический словарь русского языка, т. 1, Москва 1966.
- LT Lietuvių tautoska, V: Smulkioji tautosaka, žaidimai ir šokiai, Vilnius 1966

On mythological and ritual contexts of one type of riddle

Lidija Nevskaja (Moskva)

An uncommon type of riddle manifested with few unitary texts is studied. In these riddles a stove is compared to definite female organs (vagina, womb, belly). The examples from the different spheres of traditional culture and the other folklore genres confirm the motivated character of the identification.

**ÜBERSICHT DER BALTISTIK IN DEN NIEDERLANDEN
(1888-1998)**

JOS SCHAEKEN
Groningen

Vorliegender Beitrag beabsichtigt, einen kurzen Überblick über das Studium der baltischen Sprachen in den Niederlanden seit Ende des vorigen Jahrhunderts zu bieten. Dazu dient auch die angehängte Bibliographie, die so erschöpfend wie möglich zusammengestellt worden ist.

Als Begründer der niederländischen Baltistik gilt Christiaan Cornelis Uhlenbeck (1866-1951), der im Jahre 1888 seine Doktorarbeit über die grammatikalischen und besonders lexikalischen Verwandtschaftsbeziehungen zwischen den germanischen und baltoslavischen Sprachen an der Leidener Universität verteidigte (Uhlenbeck 1888; vgl. auch 1890). Während Uhlenbeck in seinen jüngeren Jahren noch einige weitere Publikationen auf dem Gebiet der Baltistik veröffentlichte, darunter nicht zuletzt eine aufgrund Nesselmanns Edition aus dem Jahre 1845 verfaßte und mit eigenem Kommentar versehene Neuausgabe der drei altpreußischen Katechismen (1889), bilden seine baltischen – sowie übrigens auch slavischen – Veröffentlichungen nur einen ganz kleinen Teil seiner wissenschaftlichen Produktion. Obwohl er von 1892 bis 1899 Professor für Sanskrit in Amsterdam und von 1899 bis 1926 Professor für Germanistik in Leiden war, hat Uhlenbeck bis zum Ende seines Lebens hauptsächlich über ganz andere Sprachen publiziert, und zwar in erster Linie über Baskisch, Eskimosprachen und die einheimischen Sprachen Nordamerikas (vor allem Blackfoot)¹.

¹ Vergleiche die etwa 275 Titel zählende Bibliographie bei J.P.B. de Josselin de Jong, "In Memoriam. Christianus Cornelius Uhlenbeck (18th October 1866 – 12th August 1951)", *Lingua* 3, 1952, 256-268. Die Bibliographie ist übrigens unvollständig; so fehlen die baltoslavisch-germanische Untersuchung aus 1890, die "Baltische mythen" aus 1891 und "Prussica" aus 1893. Über Uhlenbeck siehe weiter noch A.H. van den Baar, "The history of Slavic studies in the Netherlands", *Beiträge zur Geschichte der Slawistik in nichtslawischen Ländern* (Hg. J. Hamm und G. Wyrzens), Wien, 1985, 320-322. Uhlenbecks baltische Studien werden auch kurz bei A.